
В. Е. БАРАНОВ

ДИАЛЕКТИКА КАК ВЫСШАЯ ФОРМА РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Мифология как первая форма рациональности

Первой формой человеческого мышления как комплексной работы человеческого духа является мифологическое мышление (мифология). Это уже не животное, рефлекторное «ручное мышление» (И. П. Павлов). Это, по Б. Ф. Поршневу, первая революция в нервно-психологической деятельности живой материи, вытеснение первой сигнальной системы и замена ее человеческим мышлением и членораздельной речью.

Субъект мифологического мышления

Человек этой эпохи универсален, равен всем другим людям, является первоначальной, непосредственной (не опосредованной сознательным самостановлением) личностью, фактически сливающейся с коллективом.

Достижения мифологии:

- возвышение человека над животным миром с его однозначной рефлекторностью;
- нерасчлененное единство «рациональной» и «эмоциональной» составляющих, эмоциональная окрашенность мышления;
- свобода ассоциаций, фантастичность, свобода воображения, свобода предикаций в логике мышления;
- первоначальный гуманизм, благоговейно-любтивное отношение к миру, как к живому человекоподобному существу;
- целостное видение мира.

Недостатки мифологии:

- отсутствие объективного рассмотрения предметов, мира в целом. Соответственно отсутствие самосознания субъективности;
- фантастичность, неадекватность миру, господство воображения над отражением;
- нелогичность, недоказательность, отсутствие причинно-следственных и временных связей;

- «онтологизация» мыслеобразов, отношение к продуктам воображения (мышления) как к реальности;
- общая «нерентабельность», обречение субъекта на непродуцируемую практику (магия, сооружение жилищ богов, храмов, исполнение сложных форм культа).

Античность: взлет и первый кризис рассудка

Материнский род вытесняется патриархатом – отцовской общиной. Появляются производство, групповая собственность, сложные формы разделения труда и социальной организации. Эта эпоха (неолит, энеолит) систематически разрушала целостное и фантастическое мифологическое мышление, и на выходе образовалась цивилизация – классовое общество, господствующей формой мышления в котором стал рассудок – мышление, революционно отличающееся от мифологии. Его основные достижения:

- объективность рассмотрения предметов, отделение объекта от субъекта, субъектное самосознание человека;
- устранение субъективных привнесений в знание;
- доказательность, последовательность, причинный анализ;
- прагматичность, ориентировка на практический эффект;
- высокая эффективность в организации практики.

Субъект рассудочного мышления – частичный человек эпохи цивилизации: рабовладелец, ремесленник, торговец, воин, жрец, раб. Для каждого из них мир – внешняя чуждая среда, поле преобразования либо приспособления, территория Сатаны, на которую человека изгнали из первоначального любовного рая.

Символ, образ рассудочного типа человека – хитроумный Одиссей, индивидуалист, энергичный покоритель природы, преодолевающий древние иллюзии о господстве в ней мифологических персонажей и сил. Еще символ – аргонавты, одновременно стяжатели и рационалисты, индивидуалисты и победители.

Недостатки рассудочного мышления:

- противостояние объекту как полю борьбы, превращение субъекта в простое орудие репрессии;
- распространение репрессивного отношения и на другого человека, на общество в целом (Ю. Хабермас, А. Адарно «Диалектика просвещения»);

- забвение любви как мировой силы, невидение гармонии мира, превращение мира из организма в механизм;
- утрата целостного видения мира;
- сухость, неэмоциональность, рассудочность мышления и поведения. Рассудочное манипулирование партнером по общению;
- соглашающаяся фиксация отчуждения, господствующего в обществе, представление отчужденного существования человека как единственно возможного и даже образцового;
- обслуживание лишь частичных и сиюминутных потребностей (работа по принципу «здесь и сейчас»), работа лишь по причинной обусловленности, забвение целевой ориентировки и даже пренебрежение к ней.

Античность с первых же своих шагов дала взлет и господство рассудочного мышления. Это взорвало первобытный уклад жизни человечества. Достижения древних цивилизаций, античности огромны и наглядны.

Однако уже на заре этого взлета чуткие умы эпохи обнаруживали грозящие перспективы господства рассудка: лавинообразный рост человеческой частичности, отчуждение человека от человека и от своей человеческой сущности, гражданская и эстетическая деградация искусства, превращение науки в отчужденную репрессивную силу, забвение гармонии мира, ее внутренних любовных валентностей, забвение человеческого предназначения – жить в гармонии с природой и совершенствовать ее для нее самой. В самых недрах взлета античной рассудочности сложился (складывался) протест против господства рассудка и предлагались рецепты спасения человечества от этого господства. Один из них – реакционный, регрессивный: простой отказ от рассудка (рациональности) и возвращение в прошлое. Пусть люди вместо письменности опять начнут вязать узелки на веревках. В целом этот рецепт давали возникающие религии: зороастризм, иудаизм, буддизм, христианство.

Другая оппозиция господству рассудка – предложение возвысить рассудок до уровня разума (мудрости). Не отказ от губящего мир рассудка, а подчинение его целостной духовности, возвышение его от обслуживания им частного человека к способности служить всеобщему – человечеству, космосу. Такая работа и есть философия, или любовь к мудрости. Формировался новый тип рациональности – универсальное, целостное, всеобщее, категориальное мышление.

Античный рационализм – это разветвленная борьба «механицистов» и «диалектиков». Уже первые философы, задумываясь о всеобщем, обнаруживали его противоречивость, невозможность однозначного описания. Парменидово бытие ни конечно, ни бесконечно, ни не существует, ни существует. Гераклит дает положительную диалектику всеобщего (бытия): оно и покоится, и меняется. И элеаты, и Гераклит отличали частичное мышление как мнения от универсального как истинного знания. И первые, и более поздние античные философы (Платон, Аристотель) осмыслили категории любви, бога, цели, формы. Создатель логики рассудка Аристотель говорил о том, что рассудок работает по причинной обусловленности, тогда как существует сфера мышления, работающая по целевой обусловленности. В конечном счете античная философия дала концепцию мудрости как единства истины, добра и красоты. Все это противостояло и антирационалистическим устремлениям возникающего религиозного сознания, и традиционному господству рассудка (софистике).

Субъект разумного мышления – это цельный гармоничный человек, выходящий за пределы частичного существования, возвышающийся до осмысления своего человеческого вхождения в Природу и до понимания своего участия в процессе развития, то есть подлинная человеческая личность. Такой субъект в античные времена – скорее, запрос эпохи, абстрактная возможность и отдаленная перспектива. Но – чуткие барометры будущего – философы провозглашали жизненную необходимость для человечества формирования именно такого человека и именно такого – разумного – мышления.

История, однако, распорядилась иначе. Христианство на тысячелетие задержало формирование и распространение разума. Христианская мистика монополизировала право на обсуждение категорий общего, системного, гармонии, любви, свободы, развития, превратив их в реалистически понятные мистические первосущности. Разум был заменен мистической верой. За рационализмом же были оставлены служебные функции формального анализа понятий, структур суждений, силлогизмов. Рациональность была представлена лишь как рассудочная формальная логика. Рассудок же не всемогущ, и то, что не могло быть объяснено рассудком, объявлялось полем мистики, веры (Тертуллиан: «Верю, потому что абсурдно»).

Новое время: второй взлет и второй кризис рассудка

Возрождение и Новое время повторяют историю античности. Господствующая культура Нового времени развивалась на основе рассудочного мышления, получившего форму механицизма. Начиная с Р. Бэкона и Оккама и включая Декарта, Ньютона, французских материалистов XVIII века, европейская культура осваивала и детализировала рассудочную логику софистов и Аристотеля. Р. Декарт чуть ли не буквально повторил Протагора: «Я мыслю – следовательно, существую»; это ведь перефразировка «Как оно нам кажется, так оно и есть, ибо человек – мера всех вещей...». Сложился воинствующий картезианский рационализм – мышление однозначное, доказательное, основанное на доверии органам чувств и включающее в себя процедуры анализа, классификаций, построения рядов причинности и т. п. Мир опять, как и в представлениях Демокрита, представился как конгломерат независимых друг от друга предметов, подчиненных необходимости, объективным закономерностям, которые можно познать и на этой основе научиться управлять миром. Такое, механическое, представление было распространено и на общество в позитивизме О. Конта; социология – это «социальная физика», и нет в обществе недоступных познанию тайн и мистических первопричин. Конт провозгласил отказ и от религии, и от философии, мудрости, разума, от самой необходимости проникать в сущности предметов и мира в целом. Право на существование он признал только за «позитивным» (эмпирическим) знанием.

Результатом господства механического рассудочного рационализма стало бурное развитие наук, производства, колониальных захватов. Не претерпевшие этой революции в мышлении регионы мира безнадежно отстали от Европы.

Самосознание диалектики

Между тем Новое время породило не только буржуазно-индивидуалистического субъекта, способного мыслить лишь частично-рассудочно. Любая серьезная социальная революция (какой и был переход от феодализма к капитализму) порождает идеи, выходящие за узкий круг интересов ее гегемонов. Революционный буржуазный класс в лице своих лучших представителей – творцов немецкой классической философии – породил теорию диалектики – учение о всеобщей связи и развитии, о единстве сложного материально-

духовного мира, путях и механизмах его прогресса и способах познания этого противоречивого мира. Критикой (анализом) познавательных способностей человека специально и скрупулезно занимался И. Кант. Логика познания мира отличается от логики размышлений о нем. Размышления – аналитичны, тогда как познание – синтетично. В познавательном акте человек накладывает на чувственный опыт категории теоретического разума, которые, в свою очередь, организуются идеями практического разума, и эти последние не изобретаются индивидом по своему собственному произволу, а строятся человеком так, чтобы они могли стать универсальными, всеобщими, одинаково обязательными для всех людей. Кант, таким образом, со времен Аристотеля сделал в логике, как он сам выразился, первый шаг вперед. Над аналитической логикой рассудка, работающего по формальным правилам, он надстроил второй этаж – логику разработки самих этих правил. Это логика синтеза – априорного синтеза категорий, становящихся инструментами познания, и синтеза эмпирически полученных новых знаний с априорными условиями их организации.

Кант, однако, недоработал две вещи. Во-первых, всю работу познания (равно как и морали, и эстетики, искусства) он понимал лишь как индивидуальную работу. Во-вторых, он остановился перед неразрешимой трудностью в объяснении антиномичности основополагающих идей практического разума, являющихся основаниями априорного синтеза категорий.

Эти трудности преодолел только Гегель. Познание, заявил Гегель, это не индивидуальный процесс, основанный на интуитивно-чувственных, априорных идеях практического разума. Это общесоциальная, общечеловеческая, духовная практика распрямления мира и опредмечивания полученных знаний. Это дает возможность человеку, как универсальному представителю человечества, в ситуациях столкновения с антиномиями разума не терять себя, подчиняясь воле «вмешавшегося в дело начальства», а восходить к самостоятельному разумному синтезу противоположностей.

Идеи разума, по Гегелю, имеют объективное содержание, потому что они являются не чем иным, как отражением, «инобытием» универсальной, объективной, абсолютной логики, создавшей этот мир и реализовавшейся в нем. Сознание, наблюдая мир, лишь «спускается в свою собственную глубину» и ищет разумную сущ-

ность вещей «здесь, а не в вещах»¹. В этом случае человеческое сознание восходит от существования «самого по себе» (an sich) к существованию «для себя самого» (für sich selbst). «Это взаимное проникновение мыслящей субъективности и объективного разума есть конечный результат развития теоретического духа»². Кроме того, Гегель разработал логику синтеза противоположностей. Антиномичность идей разума преодолевается процедурами отрицания, перехода количества в качество, раздвоения единого и столкновения противоположностей, умения видеть взаимообусловленность формы и содержания, единичного и общего, сущности и явления способностью постигать становление, меру предметов и т. д. и т. п.

Диалектика Гегеля, однако, довольно формальна, излишне рационализована, абстрагирована (оторвана) от внерациональных сфер духа. Изучение значения этих сторон работы мышления для диалектики мы находим у В. И. Ленина. Имеются в виду его правила диалектического мышления, бегло набросанные в работе «Еще раз о профсоюзах...» (1920 г.). Диалектическое мышление требует: а) всесторонности рассмотрения предмета; б) историчности его рассмотрения; в) возвышения над злободневностью и узкой партийностью: «вся человеческая практика должна войти в определение предмета как критерий истины и как показатель того, что нужно человеку»; и, наконец, противоположное предыдущему правилу: г) нужно понимать, что нет абстрактной, на все времена данной истины, истина всегда конкретна.

Уже из этого фрагмента видно, что диалектика – это не механизм, не техника, не простое умение, которое может освоить каждый и которому можно научить любого, не оружие, которое может использовать любой для какой угодно цели. Это такое «оружие», которое в одних руках и для одной цели действует, а в других исчезает, растворяется, так что незадачливый ее хозяин выбрасывает ее как ненужный хлам в полном убеждении, что «ничего такого» в мире нет, и диалектика – лишь словоблудие злонамеренных философов. Диалектика – это не арифметика, не знания о единичном, взятом самом по себе, не то, что дается человеку как существу частичному, частному. Это знание (мышление) о всеобщем, которое

¹ Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа // Соч. – М., 1959. – Т. 4. – С. 130.

² Он же. Философия духа // Соч. – М., 1956. – Т. 3. – С. 279.

открывается субъекту, становящемуся существом всеобщим, универсальным – личностью. Это логика не индивида как представителя самого себя и навязываемая предмету, а логика личности как представителя рода человеческого, сопряженного с Природой и подчиняющего себя логике Природы. Это логика личности как человека, чувствующего себя субстанцией, ставшей субъектом. Это логика нравственно-эстетического существа (Шиллер, Чернышевский).

Этот высший пилотаж осмысления диалектики представлен в работах философов позднего советского времени, 60–80-х годов XX века, – Э. В. Ильенкова, В. В. Абдильдина, Г. С. Батищева, В. В. Давыдова, А. Г. Дробницкого и многих других. Это высший взлет диалектической мысли после Гегеля – самый значительный вклад в мировую философию XX века. Эта эпоха еще ждет своего специального и пристального изучения.

Спротивление диалектике

Казалось бы, с разработкой диалектики перед человечеством открылись безграничные перспективы. Преодолена механическая рассудочность картезианства, не способная объяснить сложные процессы мира и духа, посрамлена и религия, претендующая лишь на мистическое описание этих процессов. Человеческое сознание, наконец, стало адекватным гармонии мира – значит, можно соответственно гармонизировать и собственную жизнь. Но не так все просто в этом мире. Диалектика оказалась костюмом, сшитым человечеству чрезвычайно на вырост. Реально не оказалось в наличии активного социального субъекта, способного воспринять диалектику и руководствоваться ею в практической жизни. «Мы диалектику учили не по Гегелю...» Стихийная тяга трудящихся к этому высшему уровню рациональности не увенчалась массовым освоением диалектики ни в эпоху ранней советской власти, ни в послевоенные годы, ни тем более в наши дни.

Более того, диалектике сопротивляется вся масса официальной духовной жизни и в XIX веке, и на всем протяжении XX века. Уже в XIX веке, уже при жизни Гегеля, в эпоху триумфа его философии, в Европе складывались иррационалистические учения Шопенгауэра и Кьеркегора. В дальнейшем развивались философия жизни, экзистенциализм. Параллельно существовала и, особенно в России, поднимала голову религиозная философия. Их критика

диалектической рациональности сводилась (и сводится сегодня) к простому непризнанию таковой. Нет такой формы рациональности. Рациональность может быть только механической, декартовской. Наука может быть только рассудочной, и поэтому она изначально и вечно пребывает в кризисе и нуждается в сверхрациональных, иррациональных дополнениях. Все, не охватываемое механически-рассудочной наукой – человеческая свобода, творчество, красота, любовь, развитие мира и т. п., – объявляется прерогативой религии, попросту – религиозными феноменами.

Другой вариант критики диалектики – это попытки в обход нее, замалчивая ее, создать свои, оригинальные схемы описания развития, свободы, человеческой духовности и прочего. Этим занята, например, современная герменевтика. Она претендует на соединение разошедшихся методологий естественных и гуманитарных наук и стремится занять место, принадлежавшее когда-то метафизике. Герменевтика пытается расширить сферу рациональности за счет более свободного ее толкования, позволяющего включать в нее схемы мышления, ранее не считавшиеся рациональными. Это, конечно, не преодоление механицизма, а возведение его в степень, что не сразу обнаруживается как новый, осовремененный, но все же механицизм.

В последние десятилетия XX века сложились еще два варианта «преодоления» диалектики – синергетика и постмодернизм. Их можно считать частью и целым: синергетика – конкретное проявление, форма постмодернизма. Синергетика претендует на статус новой методологии научного исследования, которое должно дать новую картину мира. Не упоминая о диалектической критике механицизма, синергетика критикует его и выдвигает, например, вместо абсолютизации механицизма причинности абсолютизацию случайности. Мы живем не в детерминистическом, а в случайном, непредсказуемом мире. Вместо абсолютизации роли целого по отношению к частям синергетика абсолютизирует роль «слабых факторов» в мировых и социальных процессах. Вместо абсолютизации (уже у Гегеля) развития мира под диктовку Абсолюта синергетика выдвигает принцип самоорганизации предметов без связи с системами, элементами которых они являются. Отсюда вместо абсолютизации закономерности, упорядоченности мира выдвигается другая крайность – абсолютизация хаоса и т. д.

Все это «проходит» на Западе, где широкая научная общественность никогда не знала Гегеля и Маркса, но в нашей стране пропаганда синергетики преждевременна: мы ведь еще помним диалектику. Хотя для невежественных студентов она – нечто новое по сравнению с их механической интуицией.

Выводы

Диалектика, диалектическое мышление являются высшим уровнем рациональности, мышлением, соединяющим в себе логику и эмоциональность в функционировании человеческого духа.

Первоначально такая целостность была случайной и неэффективной (мифологическое сознание, мышление), затем синкретика мифологии развалилась на борющиеся между собой рационализм и иррационализм, сциентизм и антисциентизм, и такая разорванность духовной жизнедеятельности наблюдается в обществе до сегодняшнего дня. Но в перспективе человечество ждет соединение этих разошедшихся форм духовной жизни, и это будет синтез того и другого – разум как единство истины, добра и красоты.

Подобно тому, как первая форма рациональности – мифология – вырвала человечество из животного состояния, а вторая – господство рассудка – возвысила европейское общество над тысячелетним застоём средневековья, грядущая духовная революция, массовое освоение диалектики, превращение ее законов и правил в структуры обыденного сознания, в массовую интуицию – эта грядущая революция, несомненно, выведет человечество из тех тупиков, в которые приводит нас сегодня господство рассудка. Грядет новая эра в истории человечества, и наша задача – приблизить ее изучением и пропагандой диалектики.

Формирование диалектического мышления связано со становлением специфического типа личности. Ни античность, ни средневековье, ни Новое время не способны были дать подлинную личность – человека универсального, свободного, диалектически мыслящего. Запрос на личностное состояние массового человека, на внедрение диалектики в массовую интуицию большинства людей сегодня еще более актуален, чем когда бы то ни было.